

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Экран и сцена - 1992. - 22-29 окт. (№ 43) - с. 2

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Большинство девочек, родившихся в этом году, будут именоваться Марианнами. Красиво, ничего не скажешь. Думаю, что Ракелий будет меньше.

Любовь наших зрителей к Марианне не пошатнута ничем. Зарисовка из жизни, показанная по телевидению: иронические и предприимчивые молодые люди собирали в подземном переходе пожертвования на памятник Марианне. Деньги бросали, и немалые. И подписывали просьбу к мэрии — установить мексиканское «чудо» на место скинутого Дзержинского.

Смешно? Да не очень. Над собой смеемся, господа. Природа успеха заморских сериалов до боли проста. Мелодрама — самый демократический жанр, любимый публикой во все времена. Бродячий сюжет с перепутанными детьми, потерянными родителями, любовниками, вынужденными расстаться. Еще в прошлом веке иронизировали над драматургией популярного тогда Коцебу. В русской критике появился даже термин — «коцебятина». Вот такую же коцебятину предлагают нам зарубежные многометражки и отечественный сериал «Мелочи жизни». Отечественный будет даже похуже. Все это не случайно. Телевизионный ширпотреб попал в свое время. Как и увлечение детективной литературой. Люди устали и раздражены. Нет сил слушать о национальных конфликтах, междоусобных войнах, переживая очередное повышение цен, бояться ночных улиц. Отвлекает дешевая греза доголливудского кинематографа.

Культурный пейзаж после всех экономических битв будет безрадостным. В скором времени телевидение станет для многих единственным источником художественной и политической информации. Подписка на газеты и журналы резко упала. В библиотеки и читальни люди ходить разучились. Да и времени у

большинства нет. Театр тоже дорог. В кино показывают исключительно боевики. Вот и остается телевидение. Не грозит ли обществу духовная деградация?

Мне могут возразить: и на Западе все стонет о всеобщем телеоглушении. И ничего, живут и книги читают. И мы начнем снова читать, как только обстоятельства позволят. Нужно немного переждать. А культура не погибнет, выживет. Действительно, культура всегда сохранялась, возрождалась из пепла. Все так. Но если ждать лучших времен, бездействовать, то глухота станет массовой. Глухота не только к искусству, культуре, но к нравственности. Не верю, что станут современными Мамонтовыми и Морозовыми те мальчики, которые торгуют папиросами или моют окна машин. Без культуры в бизнесмены не пробьются. Так и останутся шестерками.

Очень боюсь, что подрастет поколение, в котором воцарятся зомби. Они обуреваемы одной идеей — любыми средствами получить свой миллион. И просто, за так, без всяких усилий. Вот каждодневная телереклама Лоттомиллион. Девчушка подмигивает с экрана. Выбрасывает большой палец. Говорит с придыханием: «У меня будет вот такой миллион». С детских лет — деньги, деньги, деньги.

Вот по ТВ прошла ретроспектива фильмов Андрея Вайды. Были показаны его лучшие ленты «Канал», «Пепел и алмаз», «Пепел», «Пейзаж после битвы», «Человек из мрамора». Замечательный режиссер, прекрасные фильмы. К сожалению, опять-таки если судить по опросу, они прошли незамеченными. Слышала такие разговоры: Не хочу напрягать нервы. Уж больно тяжелое зрелище. Лучше посмотрю детектив. «А ведь раньше, чтобы увидеть фильмы Вайды, ехали на край света, стояли в очередях. Неужели тяготы быта настолько при-

тупили восприятие? Обывательское равнодушие — вот в чем беда. Дело не в голоде, а в рвачестве. Помню, во время войны простаивала часами на морозе, чтобы попасть на спектакли Большого и Малого театров. А ведь еда зачастую состояла из четырехсот граммов хлеба в день. Голодные, промерзшие девчонки и мальчишки искали отдохновения в искусстве.

Исподволь фильм Вайды «Пейзаж после битвы» вписывается и в нашу жизнь. Косвенные ассоциации заставляют задуматься не только о прошлом, но о настоящем. Прошлое в фильме показано на пике трагического. Мажорное начало: освобождение заключенных фашистского концлагеря. Затем мы знакомимся с драматической историей людей, чьи судьбы сломлены войной, пленом. Даже самые мужественные не могут переступить через страх: Он бьется в каждой жилке. Страх перед голодом, перед неизвестным существованием среди новых людей. Что может спасти душу человека, возвысить ее над утробой? В фильме это высокие категории бытия — любовь и смерть. Девчушка уводит главного героя в другой мир. Там зеленеет трава, шумят густые кроны деревьев, освещенные солнцем. Там нежные руки, чувственные губы, волосы, пахнущие свежестью. Первые ростки близости и понимания. И вдруг все кончается. Девушку случайно убивает американский солдат. Страшная плата за возвращение героя к себе, к жизни.

Нам тоже необходимо переступить через утробное существование. Уметь сострадать не только горестям Марианны, но бедам своих близких, бедам своей страны. И даже в пейзаже после битвы найти блики солнца, света. И эти блики высветят ложное и истинное. К истинному относиться и наша многовековая культура.

Маргарита КВАСНЕЦКАЯ.